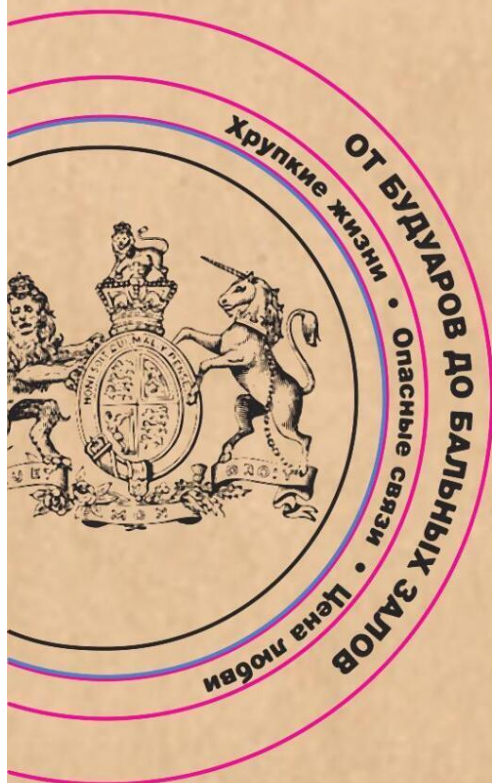

ФЕЛИЦИТИ ДЭЙ

история без купюр

ЭПОХА РЕГЕНТСТВА

ЛЮБОВНЫЕ ИНТРИГИ
ПРИ БРИТАНСКОМ ДВОРЕ

История без купюр

Фелицити Дэй

**Эпоха Регентства. Любовные
интриги при британском дворе**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 94(410) «1811/20»
ББК 63.3(4Вел)52

Дэй Ф.

Эпоха Регентства. Любовные интриги при британском дворе /
Ф. Дэй — «Издательство АСТ», 2022 — (История без купюр)

ISBN 978-5-17-154918-3

Эпоха британского Регентства славится своей романтикой, элегантностью, роскошью и лоском. В книге Фелицити Дэй читатель получает возможность проникнуть в кулуары высшего общества и узнать о том, как жили дамы-аристократки: как их поведение определялось нормами этикета, а их внешний вид - строгим следованием моде, как богатство и наследство оказывали влияние на выбор жениха. Используя дневники, письма и истории из газет, автор собирает воедино богатый взгляд на эпоху Регентства, демонстрируя различные мнения, надежды и желания реальных женщин, которые жили и любили в этот период. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(410) «1811/20»
ББК 63.3(4Вел)52

ISBN 978-5-17-154918-3

© Дэй Ф., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

От автора	6
Введение	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фелицити Дэй
Эпоха Регентства
Любовные интриги при британском дворе

Felicity Day
The Game of Hearts
The Lives and Loves of Regency Women

* * *

Originally published in the English language in the UK by BLINK Publishing, an imprint of Bonnier Books UK Limited. 'The moral rights of the Author have been asserted'

© Felicity Day, 2022
© Г. И. Агафонов, перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора О Регентстве

Под эпохой Регентства часто понимают исторический отрезок приблизительно с 1788 по 1830 год, хотя, собственно говоря, Регентство как таковое продлилось девять лет – с начала февраля 1811 года, когда принц Уэльский был провозглашен принцем-регентом при психически больном отце Георге III, по конец января 1820 года, когда он официально взошел на престол под именем Георга IV. Наличие материалов и желание глубже раскрыть, разнообразнее осветить тему привели к тому, что не все романы «червонных дам» датируются строго официальной эпохой Регентства, однако, памятуя о том, как сильно все может измениться даже за одно десятилетие, мною предприняты всяческие усилия ограничиться рассмотрением двадцатилетнего периода с 1800 по 1820 годы.

Для единообразия будущий Георг IV в тексте везде именуется принцем-регентом даже там, где речь идет о более ранних годах, когда *de facto* он еще титуловался принцем Уэльским.

О ЦИТАТАХ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РЕГЕНТСТВА

Во всех цитатах сохранены орфография и пунктуация, как в первоисточниках, однако для понятности и удобочитаемости некоторые не самые очевидные современному читателю сокращения дополнены расшифровкой в квадратных скобках.

Введение

«Лондон таким унылым прежде не знала», – жаловалась в письме сыну недовольная обитательница особняка на Гровенор-сквер¹ в конце марта 1810 года. Улицы и площади Вест-Энда к тому времени, вероятно, начали пробуждаться от зимней спячки, наполняться громоханием колес карет и угольных фургонов, мерным стуком медных дверных молотков и криками слуг. Все эти звуки свидетельствовали о том, что богатые лондонцы вернулись в город, а главные торговые артерии снова закипели жизнью и показами мод нового сезона. И приглашения на первые домашние приемы и светские сборища наверняка уже красовались на каминных полках. Но чего-то явно не доставало. «До сих пор не слышно ни об одной партии, – жаловалась она, – флирт все никак не начнется».

Для леди Спенсер-Стэнхоуп именно романтика была биением вихря сезона светской жизни эпохи Регентства; этим она, по сути, стала и для всего этого исторического периода. Буквально все – от взхлеб читаемых романов до лощенных костюмированных драм – преподносило романтику и Регентство естественной, идеальной и неразлучной парой. Подумайте только о кратком отрезке времени с начала XIX века по смерть Георга IV в 1830 году, когда прозой Джейн Остин зачитывалось первое поколение ее читателей, в моде были платья в стиле ампир, а по всей стране разносился стук колес почтовых дилижансов, а не поездов, тогда первыми вам на ум придут, вероятно, мысли не о войнах в Европе и Америке и не о растущем бурлении яростных призывов к политическим реформам, а о романтике.

Бесспорно, есть нечто бесконечно притягательное – и даже заветное – в ухаживаниях той поры: когда правила помолвки были ясны; когда флирт подразумевал мимолетные соприкосновения ладоней, долгие взгляды и встречи глазами через весь танцевальный зал; когда одиночки отправлялись на поиск не случайных знакомств, а спутников жизни.

Залитые светом сверкающие бальные залы, в которых они общались, создают идиллический фон для романтической сюжетной линии.

Однако же романтические образы эпохи Регентства – будь то на бумаге или на экране, современные или классические, – порою выглядят плодами чистой фантазии. Героини все как на подбор – смелые, независимые и уверенные в себе красавицы. Они уповают встретить любимого и обретают его, даже будучи бесприданницами. Строгие нормы и условности высшего общества им не преграда. И «суженые» им обычно достаются из числа светлейших и достойнейших, так что все заботы о будущем у этих дам часто развеиваются навсегда прямо под звон свадебных колоколов.

Но каково это было в действительности – отправиться на поиски любви в эпоху Регентства? Что реально означало замужество? И не слишком ли далеки от истины так полюбившиеся нам сказки о приятных во всех отношениях свободомыслящих героях и героинях, преисполненных силы духа?

«Эпоха Регентства. Любовные интриги при британском дворе» стали результатом поиска ответов на эти вопросы, за которым мы отправились не только в парадные гостиные, а по реальным бальным залам и будуарам тех лет, описанным так, как они есть, теми, кто обитал там, чтобы правдиво и без прикрас рассказать истории жизни и любви женщин эпохи Регентства.

На страницах книги, в общем и целом, отражен опыт лишь тех, чьи семьи жили в разбеге между фамильными загородными имениями и внушительными особняками в Лондоне; чьи имена и титулы служили пропуском как в королевские дворцы, так и в элитные клубы Альмака; чьих чистых доходов с лихвой хватало на любые прихоти – от оперных лож до рессорных ландо

---

¹ Топонимы и имена собственные даются в переводе в общепринятом или ближайшем к оригинальному звучанию написании. – *Прим. пер.*

и от экстравагантных балов до приглянувшихся на модных показах первых образцов. Они и только они задавали ритм и правила того мира, который по праву почитали за собственность, и того образа жизни, который зачаровывал даже современников, становясь излюбленной темой сатирических памфлетов и шаржей, а главное – нескончаемых светских хроник в печатных изданиях, отводивших полосы и полосы под освещение их шумных вечеринок и многообещающих флиртов, тайных измен и громких супружеских дразг.

Именно богатство материала делает дам высшего света естественным центром внимания любой книги подобного рода. Ведь помимо газетных отчетов все они благодаря своей состоятельности оставили обширное эпистолярное наследие, располагая временем и средствами без конца обмениваться длинными письмами, которые на удивление хорошо сохранились в семейных архивах, а также вести дневники и писать мемуары, которые их потомки в предвоенные годы с энтузиазмом публиковали. Таким образом, хотя нравы и обычаи, взгляды и ожидания жен и матерей из благородных семей высшего круга придворных едва ли сильно отличались от поведенческих воззрений представительниц так называемого поместного дворянства, наводнявших ассамблеи провинциальных городов, здесь собраны истории женщин из гедонистических сливок высшего света – прекрасных дам бонтона, то есть, безоговорочно высокородного бомонда.

Кто именно входил в этот круг избранных, точной науке неизвестно. В целом, бонтон или просто *тон* состоял в основном из пэров и знатных землевладельцев с их семьями; но, определенно, не все аристократические семьи располагали средствами или желанием их расходовать на занятие места в этих рядах. Точно так же и не все протиснувшиеся в щедро золоченные салоны ради лихорадочного сведения знакомств за время бального сезона были аристократических кровей. Знать, к кому обратиться, как правильно одеться и блеснуть умом или красотой, – все это также могло порою послужить ключом к заветной двери в великосветские круги. Совершенно очевидно лишь одно: бомонд являл собою невероятно привилегированную горстку людей, которая никоим образом не представляла Британию эпохи Регентства.

Лондон как тогда, так и сейчас, был городом, где находилось место и богачам, и нищим, представителям самых разных рас, этносов и вероисповеданий. Но клубы и бальные залы Мейфэра были другим миром, доступным лишь мизерному меньшинству обладателей богатства и власти – тем, кто жил в роскоши и с армиями прислуги в мире, который для них почти не имел границ, в то время как большинство британских граждан почитали за счастье в кои-то веки хоть раз выбраться за пределы родного квартала или городка. В грубом приближении из двенадцати миллионов населения страны не более 0,1 % располагало доходами, позволявшими перебираться каждый год в город для участия в светском сезоне. При всем множестве вдохновленных им романов, этот модный свет был, в действительности, крошечным, а вращающиеся в нем видные семьи – зачастую тесно сплетенными перекрестными брачными или политическими узами.

Слухи о романах и брачных перспективах занимали умы членов светского общества, подобных леди Спенсер-Стэнхоуп, неспроста. Наблюдение за хитросплетениями флирта и искрами страстей, предсказание возможных союзов и посильная помощь или противодействие их зарождению были не просто приятным времяпрепровождением. Все это имело высший смысл, поскольку без брака неоткуда было взяться законным наследникам дворянских титулов, фамилий и землевладений. Само выживание элиты зависело от способности найти своим чадам подходящие пары для продления рода, дабы со временем было кому передать по наследству владения и пэрские звания. Само выживание благородной семьи иногда бывало поставлено на кон брачных игр: одно блестящее сватовство – и вся семья может стать богаче, влиятельнее и даже вступить в новый, ранее недостижимый круг. Сыну вместе с женой могут достаться деньги и земли. Дочери, вышедшей за члена влиятельной в политическом плане семьи, может открыться возможность пристроить на денежные посты в парламент или правительство своих братьев или сосватать сестер за достойных друзей мужа.

Много ли истинной любви нужно для завязывания подобных романов? Этот вопрос все еще оставался предметом дискуссий. Однако для родителей поколения аристократов, повзрослевших в эпоху Регентства, характерно не только заключение браков лишь по любви, но и редкостное по единодушию нежелание не только принуждать, но даже и подталкивать собственных отпрысков к вступлению в брак по расчету и против веления сердца. Весь смысл циклически повторяющейся череды светских событий лондонского сезона, – а длился он обычно с возобновления в конце января парламентских заседаний и по начало июля, – заключался в том, чтобы отправить на эти без малого полгода своих сыновей и дочерей на просторы бальных залов, – и пусть там ищут себе подходящие пары из числа допущенных, обуздывая чувства разумом и соизмеряя страсть с практической выгодой.

Куртизанка Гарриетта Уилсон, самая известная из «модных нечестивиц» той эпохи, как раз и назвала себя поэтично «червонной дамой в игре любовных страстей», однако именно это описание как нельзя лучше соотносится и с ролями, которые брали на себя и куда более высокородные ее современницы в своих преисполненных романтических чувств жизнях.

Необходимость сбалансировать любовь с финансовой безопасностью и семейным долгом; стратегии, требуемые строгими социальными нормами, двойные стандарты и суровые юридические ограничения для женщин являлись подводными камнями, которые иногда приводили к неверным поступкам.

Это история о том, как в таких условиях жили и что делали шесть женщин, их родные и двоюродные братья и сестры, друзья и подруги и просто знакомые. От богатейших наследниц до тех, кто одними лишь талантами пробился в *тон*; от дам, кому сама мысль о выборе женихов была в тягость, до тех, у кого от них отбоя не было; от невест, которые бежали из-под венца, до тех, кого из-под него увели. Воистину романтические повести о том, как жили и любили настоящие женщины в столь милую и близкую нашему сердцу историческую эпоху.

Глава 1

Весенняя кампания

24 января 1809 года, вскоре по возвращении их семьи в Лондон, в холодном зимнем сумраке леди Сара Спенсер села за письмо младшему брату Бобу. «Я никоим образом не против того, чтобы нам умерить пыл с посещением раутов и вечеринок, – сообщала она ему по поводу их намерения выходить в свет пореже, чем в предыдущем сезоне. – Но я тебе обещаю, – писала она дальше явно не без улыбки, – что буду и дальше всякий раз лишь делать вид, что мне жаль потраченного там впустую времени, из страха допустить хотя бы предположение, что лучше бы мне это время занять зубрежкой греческих стихов или магических заклинаний, сидя дома».

Будучи к тому времени уже ветераном с четырьмя лондонскими сезонами за плечами, Сара прекрасно отдавала себе отчет в том, что модной девушке подобает испытывать рабочее восхищение мегаполисом и его весенним светским круговоротом. И ей, как рожденной в высших эшелонах аристократии и имеющей в числе тетушек двух таких гранд-дам как Джорджиана, герцогиня Девонширская, и Гарриет, графиня Бессборо, полагалось разделять их энтузиазм. Но мичман Роберт Спенсер, благодарный получатель ее отчетов с передовой модного мира, знал, что именно это его сестре-домоседке изначально и давалось труднее всего.

Второй граф и графиня Спенсер вывели старшую дочь в свет рано – в начале 1805 года, за полгода до ее восемнадцатилетия. Сара впервые предстала перед глазами лондонской публики в январе, и это был, по ее словам, «самый столичный из балов, как все говорят», но официальный ее дебют состоялся лишь в мае. Как и у множества других девушек, чья принадлежность к бомонду была предопределена по праву рождения, переход Сары из школы в свет был формально отмечен паломничеством во дворец, где ее представили королеве Шарлотте. «Не могу сказать, что мне многое запомнилось, – отчиталась она в письме в ответ на расспросы встревоженной бабушки относительно той церемонии, – да и слава Богу, что все кончилось, – и даже лучше и быстрее, чем я ожидала».

Леди Сара Спенсер

Ее представление прошло в одной из гостиных Сент-Джеймского дворца сразу после дневного приема, проводившегося раз-другой в месяц и открытого для всех желающих из числа благородной знати. В заранее объявленный день около двух часов пополудни королева занимала свое место между двумя из окон, идущих вдоль всей стены непритязательной внутренней гостиной, и в «самой грациозной манере» принимала череду новобрачных, чиновников, недавно получивших назначение или повышение, и юных дебютанток высшего света.

Для столь высокородной девицы как Сара никакой необходимости лично представать перед королевой для получения благословения на официальный дебют или участие в лондонском сезоне не было. Она и так имела на это полное право – более того, не все семьи, имевшие такое право, им пользовались, находя траты на «выход» дочерей в свет непомерными. Даже обзаведение придворным платьем само по себе было делом крайне дорогостоящим. Шились они обычно из лучшего шелка, атласа или крепа, украшались серебряной вышивкой или обильной кружевной отделкой и элегантным шлейфом сзади и обходились в среднем в сотни фун-

тов. На одной чаше весов подходящее, но довольно незамысловатое платье, купленное всего за 50 фунтов (около 3700 фунтов по нынешним ценам), а на другой – молодая наследница, получившая аванс от своих попечителей в размере 1500 фунтов, чтобы предстать перед двором, это впятеро больше среднего годового заработка приходского священника.

Платья были не только дорогими, но и невероятно неудобными. До официального вступления принца-регента на престол в качестве короля Георга IV в 1820 году протокол требовал от дам появляться при дворе исключительно в платьях с юбками колоколом на поясном обруче, которые давным-давно вышли из моды в качестве вечерней одежды. Эти тяжелые и теплые платья были к тому же столь объемисты и жестки, что стесняли движения и не позволяли присесть без особых ухищрений. «Когда они сидели в карете, обруч доходил им чуть ли не до плеч, так что кроме ладоней с веером и видно-то ничего не было», – вспоминала женщина, которую в детстве взяли посмотреть на прибытие дам ко двору. Другой наблюдатель язвительно прошелся по «нелепейшим» головным уборам придворных дам той эпохи: высокие плюмажи вынуждали их запрокидывать головы назад до отказа и сидеть так в полной неподвижности до самого прибытия во дворец.

Втиснуться в карету вместе с обручем и плюмажем было лишь первым испытанием для дебютанток, вознамерившихся предстать перед королевой. Его они обычно проходили не позднее полудня, поскольку позже улицы Мейфэра оказывались запружены каретами и портшезами желающих попасть ко двору. В день собственного представления в 1805 году Сара с матерью и тетей Джорджианой добирались до Сент-Джеймского дворца в портшезах, которые несли сопровождавшие их лакеи в ливреях и подходящих случаю шляпах с белыми перьями.

Во дворце их ожидали гостиные, полностью «подходящие» для того, чтобы ломиться от увешанных драгоценностями аристократок, борющихся за жизненное пространство. Невыносимая теснота была, похоже, извечной проблемой двора, будь то покои Сент-Джеймского дворца или позже Дома королевы (как поначалу именовался Букингемский дворец): по площади они в разы уступали общественным присутственным местам, собиравшим сопоставимые по числу прибывавших толпы. А в 1810-х годах ситуация усугублялась еще и тем, что старая и немощная королева Шарлотта держала открытыми не более трех-четырёх гостиных, да и те не всегда. Случаи обмороков среди дам в этой давке были далеко не редкостью, и Сару не на шутку пугала перспектива лишиться чувств прилюдно, а уж жалобам на «буквально порванное в клочья платье» и вовсе никто не удивлялся.

«И вошли мы такой толпой, что были похожи на колоду карт: одна опиралась на другую, пока все не оказались рядом с королевой», – рассказывала Сара бабушке. Хорошо еще, что не сбылись ее худшие страхи, и она лично не сбила королеву с ног под напором сзади, а даже как-то исхитрилась под самым носом у Ее Величества извернуться и поцеловать ей руку и даже исполнить достаточно низкий книксен. Королева сказала, что рада видеть ее мать в добром здравии, и собравшиеся при ней принцессы тоже сказали какие-то учтивости, но нервы к тому времени лишили Сару остатков разума. «Боюсь, как бы они не сочли меня за тупицу, – призналась она, – ведь я им, по-моему, ни слова не вымолвила в ответ».

Робкая и не склонная к высокой самооценке Сара, вероятно, еще не вполне оправилась к тому времени, когда ее мать леди Спенсер одиннадцатью днями позже устраивала у себя нечто такое, что газеты соблаговолили назвать «одним из великолепнейших балов и роскошнейших ужинов сезона» в честь дебюта старшей дочери. На расходы не скупилась: столы на первом этаже дома Спенсеров были накрыты на четыреста персон, и на них красовались всевозможные отборные фрукты на серебряных блюдах; наверху в большом бальном зале с видом на Грин-парк сияли пять роскошных люстр, воздух «полнился ароматом горшечных цветов», а пол был покрыт изящными меловыми узорами². Именно здесь, чуть позже одиннадцати вечера,

² Меловые узоры на полу, помимо декоративной, преследовали и чисто прикладную цель – обеспечивали сцепление глад-

толпа модников, среди которых был принц-регент, не сводила глаз с Сары, когда она уводила танцевать одного из своих кузенов – не то лорда Дунканна, не то его брата, капитана Фредерика Понсонби (в зависимости от того, какую газету вы предпочитаете читать по утрам).

«Она, конечно, не красавица, – размышляла позже миссис Калверт, ставшая одной из свидетельниц дебюта Сары, – но интересна и притягательна и обаятельным личиком, и ладной фигуркой, и милой непринужденностью манер». Сара и сама понимала, что писаной красавицей не была – в отличие от своей матери. Граф Спенсер некогда даже признал, что «сам своим чувствам не поверил», когда они с будущей женой обручились в 1780 году. Ум и сатирическую жилку Сара от леди Спенсер унаследовала, но вот заносчивой самоуверенности матери ей, увы, явно не доставало. И все же, какими пугающими ни казались бы само публичное выступление и первый «выход в свет», это был момент, к которому такие девушки как Сара готовились давно.

Подобающие манеры прививались будущим светским дамам с детских лет. Миссис Калверт, красавица-жена депутата парламента от Хартфордшира из свиты принца-регента, публиковавшая в частном журнале прилежно записываемые ею хроники жизни как собственной семьи, так и модного мира в целом, чувствовала себя «обязанной читать лекции» своей двенадцатилетней старшей дочери Изабелле всякий раз, когда навещала ее в школе в год дебюта Сары. «Любовь к разговорам в ней столь крепка, – сетовала она, – что я считаю необходимым ее проверять при всякой возможности». Юных созданий наподобие Изабеллы и Сары с подросткового возраста учили хорошей осанке и походке и, конечно же, всесторонне оттачивали танцевальные па, прежде чем выпустить в свет, но в придачу к этому заранее показывали им во всех деталях еще и как устроен сезон. Будучи в городе, девочки имели возможность воочию наблюдать, как их старшие родственницы наряжаются к приемам при дворе; давали им заглянуть и за кулисы подготовки танцевальных и банкетных залов к большим балам и ужинам; наконец, для оттачивания практических навыков танца и светских манер для них устраивались детские балы.

Определенно, и Сара, и ее младшая сестра Джорджиана (в кругу семьи – Джин) и до выхода в модный свет не раз проводили в городе много времени вместе с родителями. Сара, в целом, конечно, предпочитала совместное пребывание всей семьей в Элторпе, их усадьбе в Нортгемптоншире, где они обычно зимовали, или на вилле в Уимблдоне. Политическая карьера графа Спенсера, однако, требовала от них подолгу оставаться в их откровенно роскошной резиденции дворцового типа в Сент-Джеймсе. Зато тогда все дети Спенсеров могли бывать в театре и на прогулках по окрестным паркам, где они часто имели возможность лицезреть модные компании. Обе девочки в периоды пребывания в столице получали также уроки музыки и живописи от лучших наставников в дополнение к общему образованию под надзором швейцарской гувернантки мадмуазель Мюллер.

Когда же им пришлось время выходить в свет эпохи Регентства, обе уже были в курсе истинного глубинного предназначения всего этого: найти себе респектабельного мужа, если и не сразу, то со временем – определенно. Таким образом ничего удивительного – ни для них, ни для их современников – не было в том факте, что с момента их официального выхода в свет смысл каждого их сезона в Лондоне состоял в том, чтобы познакомиться и пообщаться по возможности с большим числом потенциальных женихов из приличествующего круга.

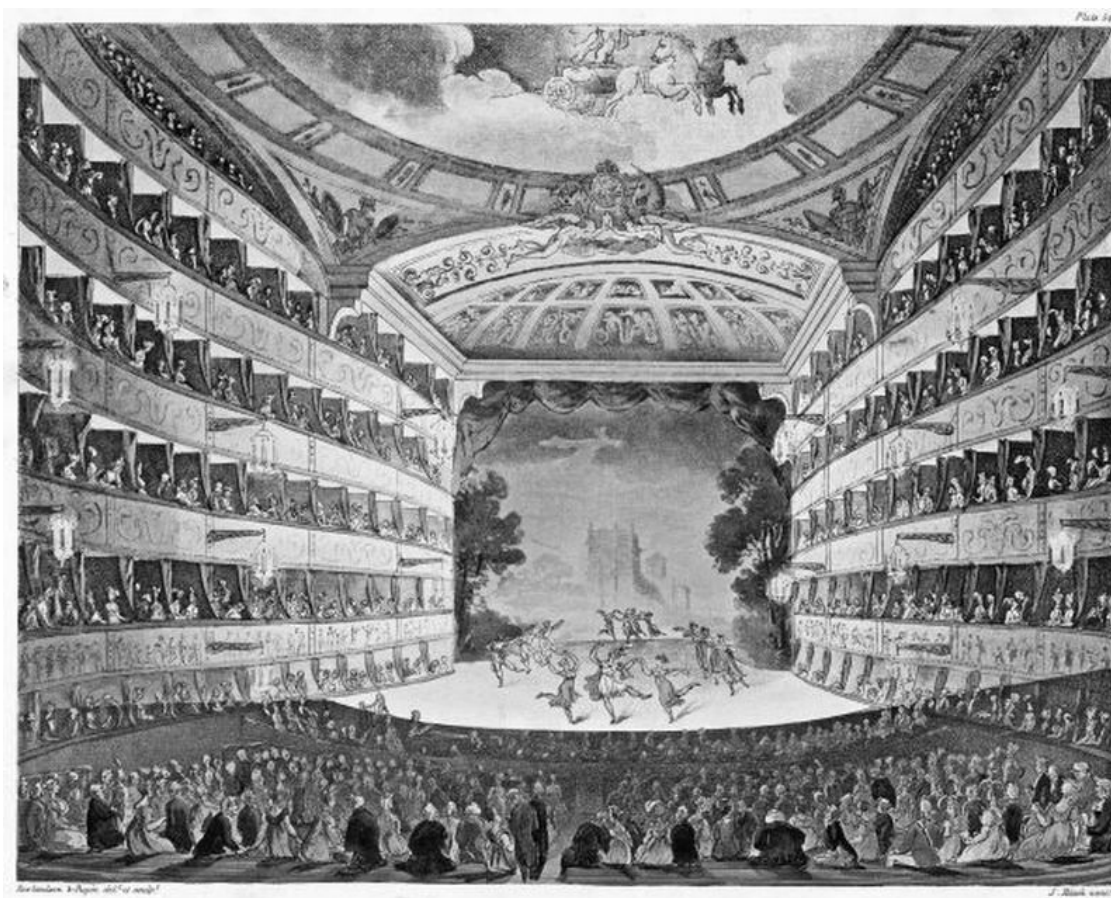
Дневные часы дебютантки проводили по вполне предсказуемому распорядку: «отвертеться от гениальных учителей, сделать обычные покупки и визиты; погулять по Гайд-парку и посмотреть на людей на площади», – так описывала свой типичный день Марианна Спенсер-Стэнхоуп (не имевшая отношения к графу Спенсеру) в письме старшему брату в 1806 году. Обходы с визитами не только ближних, но и дальних родственников и знакомых были крайне

ких подошв туфель гостей с отполированным до зеркального блеска паркетом, чтобы танцующие не поскальзывались. – *Прим. авт.*

важны, поскольку могли при случае обеспечить доступ в лучшие бальные залы Лондона. По-настоящему заботливая мать обязательно следила, чтобы на каминной полке всегда имелась щедрая россыпь пригласительных билетов на популярнейшие вечера сезона, как это обычно и делалось у леди Спенсер к апрелю, когда мир веселья окончательно пробуждался от зимней спячки и начиналось то, что ее дочь сухо называла «весенней кампанией».

Типичный сезон при наличии хороших связей включал приглашения на все подряд – от грандиозных балов и завтраков на свежем воздухе на 1500 персон до малых званых вечеринок, концертов и ужинов с танцами. Не менее важным, однако, было светиться и в более публичных местах. На самом деле, многим девушкам особо восхитительной перспективой предстоящего «выхода» в свет виделась возможность вкусить, наконец, всех радостей от головокружительного набора вечерних лондонских развлечений и увеселений – от знаменитых садов наслаждений Воксхолл-Гарденз с их сказочной иллюминацией и фейерверками до постановок шекспировских драм на сцене Королевского театра на Друри-Лейн.

Зрительный зал Королевского театра на Хеймаркет в Лондоне, где в эпоху Регентства шли итальянские оперы, а в освещенных наравне со сценой ложах – свои мини-спектакли

«Анна упивается Лондоном в целом, и при всей пока что малости выходов на ее счету, все они ей пришлись по душе, – писала Марианна Спенсер-Стэнхоуп в 1806 году о своей только что вышедшей в свет сестре. – Опера же и вовсе привела ее в полный восторг». Сара же превыше всего оценила драматический театр; настолько, что заявила бабушке: «...если бы другие развлечения в этом грязном городке были хотя бы наполовину столь же хороши, я бы им гордилась наравне со всеми». У Спенсеров был абонемент в ложу Ковент-Гардена, где, как и на сцене Друри-Лейн, ставили по королевской лицензии серьезные драмы, но они были не прочь насладиться и фарсами, шедшими в театре Лицеум в течение сезона. Регулярно бывали они

и в Королевском театре на Хеймаркет, на сцене которого шли итальянские оперы, а в зале – «смотрины».

Оперные спектакли весь сезон шли по вторникам и субботам и собирали в основном аристократическую публику, для которой общение было гораздо большим соблазном, чем пение. Подковообразные зрительные залы театров того времени с их многоярусными золочеными ложами для бомонда весь вечер оставались освещенными – иногда даже ярче, чем сцена, – и это делало ложи идеальными «витринами», в которых матери и выставляли своих дочерей на выданье (правда, по иронии судьбы, в части лож на показ выставляли свои красоты куртизанки высшего класса). Высокопоставленные и светские мужчины могли бродить из ложи в ложу, когда им заблагорассудится уговаривая друзей познакомить их с дамами (в том числе, и «легкого поведения»), которые привлекли их внимание, и навещать тех, с кем они уже были знакомы; этой практике способствовал тот факт, что в опере царила атмосфера скорее частного клуба, где состоятельные члены наподобие Спенсеров сезон за сезоном снимали одну и ту же ложу.

Как и у других богатых наследниц, ложа Фрэнсис Уинкли была «всегда полна *prétendants*³ настолько», что ее будущему жениху «было и за дверь-то не проникнуть». Но суженый проявил не столько изобретательность, сколько настойчивость и стал раз за разом пользоваться другим путем, возможным для ухажеров, и неизменно, вспоминала она, «в нужный момент встречал меня на выходе и галантно предлагал проводить до кареты; а это по тем временам означало по меньшей мере час тет-а-тет в давилке», то есть в фойе, где публика терпеливо дожидалась подачи экипажей к подъезду по завершении спектакля.

Была, конечно, и еще одна разновидность присутственных мест, где имели возможность регулярно появляться в эпоху Регентства нацеленные на замужество дамы, – залы собраний. Самыми известными на сегодня остаются легендарные лондонские клубные залы Альмака, но в начале XIX столетия у них имелся достойный конкурент. У Аргайла могли похвастаться «великолепно украшенным» бальным залом в голубых и золотых тонах и рядами алых скамеек для сопровождающих, и он пользовался не меньшей популярностью в качестве места проведения не только балов, но и маскарадов, и концертов. Однако к 1810-м годам все-таки именно билеты на балы у Альмака стали пользоваться самым горячим в городе спросом. Еженедельно по средам клуб открывал по вечерам доступ в собственный бальный зал на первом этаже своего впечатляющего неказистостью здания на Кинг-стрит, – и он битком набивался и супружескими парами, и одиночками, без разбора пускавшими в галоп по кругу танцпола. По периметру же лениво сплетничали или флиртовали за миндальным оршадом, лимонадом или жидким чаем с черствыми бутербродами и кексами не занятые танцами гости клуба, славившегося «убогостью меню».

Однако для встречи сыновей и дочерей с прицелом на их знакомство и обручение клуб Альмака служил идеальным в родительском понимании пространством, поскольку, будучи публичным местом, предусматривал доступ строго по приглашениям подобно сугубо частному бальному залу для избранных. Допускались же под его священные своды лишь те, кто сподобился заручиться санкцией покровительницы из высшей аристократии, а получить подобный допуск в ту пору считалось делом «крайне трудным» для любого, кто не «принадлежал к высшему или моднейшему миру».

Но каково было тем, кто в этот высший свет так или иначе проник? Тем же девушкам-подросткам, сновавшим туда-сюда между театральными ложами и клубными бальными залами в поисках подходящего жениха?

Прежде и превыше всего лондонский сезон требовал от участниц энергии и энтузиазма. Сложившийся режим предусматривал посещение двух, а то и трех событий за вечер, – и так

³ Претендентов (*фр.*).

по несколько дней подряд неделя за неделей, в чем имела возможность убедиться Марианна Спенсер-Стэнхоуп, оказавшаяся в 1805 году ровно в той же ситуации первого погружения в свет, что и Сара. Вечер 18 марта для нее начался с посещения концерта у миссис Матэн, оттуда она прямоком отправилась на прием у Тауншендов, а затем лишь к полуночи добралась до званого бала на дому у герцогини Болтонской неподалеку от ее собственного дома на Гровенор-сквер. Там она и протанцевала до пяти утра с неким милым гвардейцем по фамилии Кук. «Марианна в порядке», – бодро отрапортовала ее мать наутро, будто обе они хорошо выспались и планировали теперь продолжить прогулки в карете по свежему воздуху. И то верно, ведь наступила среда, и Марианна не могла не быть «очень даже предрасположена отправиться к Альмаку этим вечером», а на четверг у них в планах значился еще и званый бал на дому у баронессы Диспенсер.

Как и снование с места на место, ночной образ светской жизни был неотъемлемой частью сезона. В период пребывания в городе высший свет, по меткому наблюдению сатириков и заморских гостей, жил будто в ином, нежели прочие лондонцы, часовом поясе. Балы обычно начинались не раньше десяти часов вечера, а разъезд с лучших из них начинался в пять часов утра, а это означало, что редкие представители аристократии вставали с постели раньше полудня, а к «утренним» визитам и походам за покупками подавляющее большинство и вовсе приступало в лучшем случае где-нибудь в третьем часу дня. «Шесть часов вечера тут конец утра», – сухо зафиксировал американский посол результат своих наблюдений за улицами и парками Вест-Энда, отметив далее, что вскоре после этого город снова пустеет, поскольку бомонд в громяющих каретах разъезжается по домам наряжаться к ужину и последующему очередному раунду вечерних развлечений.

«Никто из жителей Земли не получает меньше полезного для здоровья солнечного света, нежели люди высокой моды, – саркастически иронизировал фельетонист, – так что, если бы не факелы, свечи и [масляные] лампы, они друг друга и в лицо бы не знали». Однако тот факт, что чуть ли не вся их светская жизнь проистекает при свечах, сами люди света за недостаток не считали. Действительно, получив единожды возможность лицезреть восемьсот членов бонтона на ярком послеполуденном солнце во время беспрецедентно раннего званого завтрака у себя на вилле в Уимблдоне, Сара не без удивления обнаружила, что «некоторые плохо переносят дневной свет», и к тому же вообще «трудно поверить, что это все те же люди, которые так восхитительны ночью». Так что рассеянный искусственный свет был для них и впрямь благодатью...

Реальное же неудобство светской жизни состояло в невыносимом столпотворении на любом балу. «На минувшей неделе нам пришлось очень весело – в том смысле, что нас несколько раз чуть насмерть не раздавили собравшиеся во всяких-разных местах несметные толпы», – с ироничной усмешкой сообщала Марианна брату в апреле 1807 года. Ровно такими же ощущениями поделилась в мае 1808 года со своим братом Бобом и Сара, написавшая, что уповает лишь на то, что им удастся избежать приглашения на собрание у леди Лонсдейл, «где всех ждет участь быть раздавленными насмерть, я так понимаю».

Давка обычно начиналась даже раньше бала, еще на дальних подступах к месту его проведения, как верно подметил американский турист Луис Саймонд в 1810 году: «...лишь простояв в очереди к подъезду верные полчаса на улице, битком заполненной каретами», гости получали возможность спешиться и присоединиться к вечеринке. Как-то раз Марианне с матерью и вовсе пришлось простоять полтора часа в длиннющей веренице экипажей, выстроившейся на подъезде к особняку знатока и ценителя искусств Томаса Хоупа, прежде чем признать поражение и в час ночи, изыскав возможность развернуться, отправиться восвояси.

На карикатуре 1818 года Джордж Крукшенк высмеял невероятную толчею на все более редких приемах у королевы Шарлотты

Хотя особняки под бал обычно изнутри «вычищались сверху донизу» от всего, что только можно было вынести, кроме роскошной резной мебели, дабы освободить место долгожданным ордам гостей, лишь самые величественные лондонские резиденции – такие как особняк графа Эгремонта «с анфиладой из семи проходных залов», снискавшей одобрение леди Сары, – были достаточно вместительны для комфортного приема до тысячи гостей, стекавшихся обычно на лучшие и наимоднейшие балы. Поскольку душный ветерок летней ночи дул из раскрытых окон, чтобы обеспечить приток воздуха, на большинстве собраний ощущались знойная духота и густой запах пота. Леди Спенсер, когда становилось невозможно, «с кряхтением и работая локтями» протискивалась через толпу к окну, а вот дочь ее старалась сохранять самообладание до последнего. «Голова, конечно, кружилась, и просто дурно мне было от жары, – сетовала она в письме Бобу после очередной давки у леди Эссекс в 1808 году, – а поскольку по мне так лучше дотанцеваться до рогов на голове, чем упасть в обморок в собрании, я была всем сердцем рада, когда мы оттуда убрались».

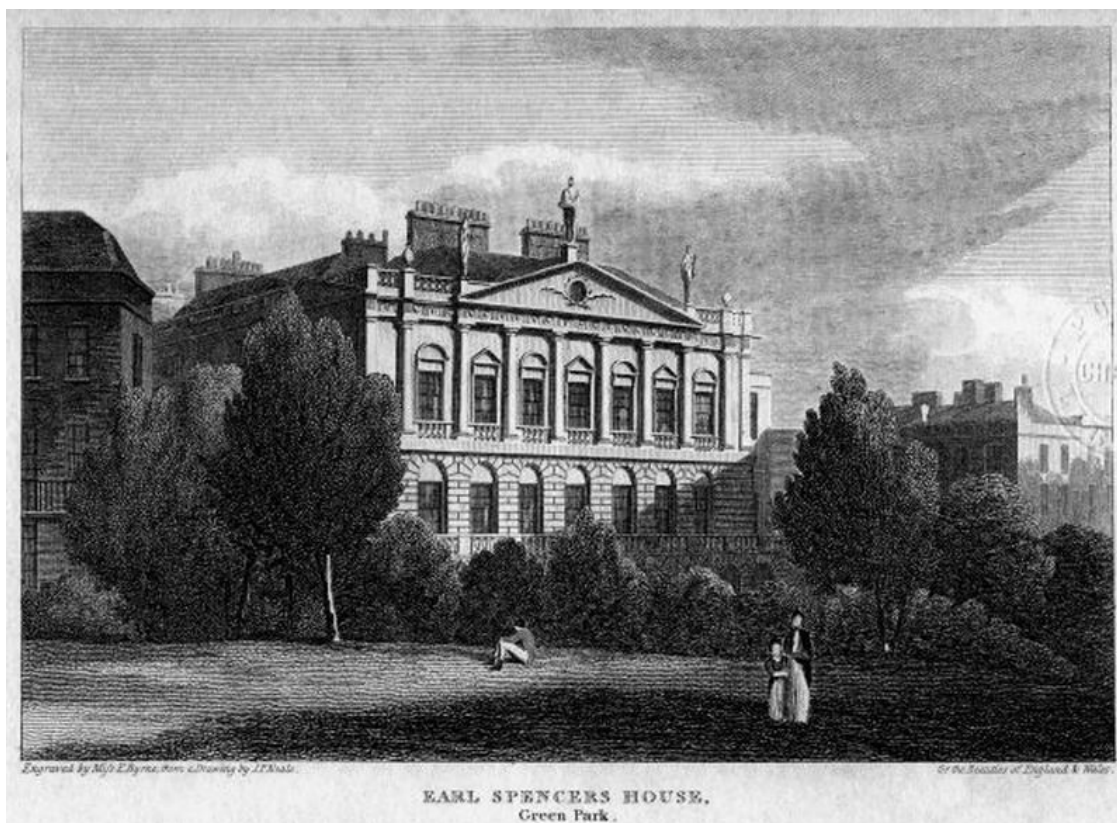
Саре было мало радости от бесконечной круговерти балов и приемов, дававших, как полагали в эпоху Регентства, дебютантке наилучшие шансы встретить подходящую пару. Битком набитые балльные залы и вереница бессонных ночей вкупе с физической нагрузкой танцами часами напролет плохо вязались с ее хрупкой, по словам матери, конституцией, а хорошее образование, любовь к чтению и высокая осведомленность о текущих делах и событиях делали для Сары невыносимо скучной бессмысленную светскую болтовню. Темы бесед, объясняла она Бобу, ограничивались «размером и формой залов, жаркой погодой, да толпой в дверях», – и ее воистину ужасало бесконечное повторение одних и тех же «ненавистных фраз: „Ах, как душно!“ и „Ах, как тесно!“».

Имея разумную голову на плечах и решительно предпочитая семейный круг светскому обществу и сплетням, Сара была склонна скорее окидывать своих ровесниц цинично-презри-

тельным взглядом, нежели вступать в их сколь взволнованные, столь и пустые разговоры. Свои юмористические наблюдения она приберегала для Боба. «Оттанцевала я тут... два последних – с лордом Перси, самым будущим герцогом Нортумберлендским и к тому же лучшим в Лондоне партнером, по единодушному мнению всех юных леди, которые сходятся на том, что он самый очаровательный, интересный, околдовывающий и обворожительный юноша с легчайшей походкой из всех когда-либо ступавших пальцами дивных ног на мелованные полы балльных залов Европы, – шутила она в 1808 году. – А вот согласна ли я с ними – это уже другой вопрос».

Но тогда Сара, «со все еще девственно цельным сердцем и вполне счастливая», – судя по всему, вовсе не торопилась подыскивать себе мужа, благо и родители на нее в этом плане не давили. К тому же, решение «умерить пыл с посещением раутов и вечеринок», о котором она чуть ли не с ликованием писала Бобу в январе 1809 года, стало следствием прямого запрета врачом пребывания Сары в жарких и многолюдных помещениях. В результате граф и графиня Спенсер согласились изменить свои планы и решили провести большую часть сезона за городом, а ко времени возвращения семьи в Лондон в следующем году Сара, похоже, была окончательно избавлена от повинности появляться на балах и собраниях, являвшихся основными площадками брачного рынка Лондона. К двадцати трем годам она уже говорила о тех днях в прошедшем времени: «...когда я *выходила* в свет». Речь, понятно, шла о балах и собраниях, поскольку театры и обеды с вечеринками она посещать продолжала, очаровывая гостей своим «красивым и певучим голосом».

Однако не все родители могли себе позволить столь расслабленное отношение к брачным перспективам дочерей, как родители Сары. Участие даже в одном лондонском сезоне было делом до крайности дорогим. Съемная меблированная квартира в заветном Вест-Энде могла в 1818 году обойтись в 60 фунтов в неделю, что эквивалентно почти 20 000 фунтов в месяц по нынешним ценам. Конечно, у Спенсеров имелся собственный особняк рядом с Грин-Парком, а у родителей Марианны – дом на площади Гросвенор, вот только позволить себе такую роскошь как собственная недвижимость в центре Мейфэр было дано немногим. В начале 1810-х годов у домовладельцев на содержание слуг, лошадей, экипажей и конюшен, налоги и прочие накладные расходы уходило от 2000 до 10 000 фунтов в год в зависимости от размеров дома и их склонности к роскошествам. Снимающим аналогичные дома приходилось дополнительно раскошелиться на арендную плату в размере от 400 до 1000 фунтов в год.

Лондонский особняк Спенсеров, вид из Грин-Парка, литография 1815 года

В любом случае, расходы на проживание были более чем внушительными. Миссис Калверт была дочерью виконта, оставившего ей в наследство около 20 000 фунтов, но к 1810 году, когда дебютировала в свете ее дочь Изабелла, им с мужем пришлось променять слишком просторный и дорогой дом на Албемарл-стрит, который они арендовали на протяжении пяти лет, на домик подешевле на Ганновер-сквер. К 1815 году семейные финансы истощились настолько, что Калверты вынуждены были вовсе отказаться от съемного дома в Лондоне, но вскоре мистеру Калверту посчастливилось перед самым дебютом их второй дочери Фанни получить дом в наследство, пусть и далековато, по мнению его супруги, – на Уимпол-стрит.

Помимо дома на сезон требовался еще и невероятный набор всевозможных нарядов для дочери-дебютантки. Даже если ей не нужно было появиться во дворце в парадном платье, откровенно разорительном для семейного бюджета, приобретение в достаточном количестве утренних платьев для визитов и прогулок и вечерних платьев из столь дорогих материалов как атлас и кружево все равно требовало внушительных вложений. Сюда же добавлялись и расходы на вечерние развлечения. В 1807 году герцог Devonshire выделил своей младшей дочери леди Гарриет Кавендиш, кузине и близкой подруге Сары, 400 фунтов в год на текущие расходы. Правда, из них Гаррию, как ее звали в семейном кругу, приходилось, вероятно, самой оплачивать расходы на наряды и, конечно же, свою долю в оперной ложе, – их часто снимали вскладчину, поскольку цена сезонного абонеента в шестиместную ложу составляла двести гиней⁴.

Ночь в Воксхолле обходилась в смехотворные два шиллинга, а балы у Альмака – в разумные семь шиллингов шесть пенсов за раз. Стоимость же приема дебютного бала дочери у себя на дому, однако, выходила за всякие пределы разумного. Путеводитель по Лондону 1818 года

⁴ Находившаяся в обращении до 1817 года золотая гиней в последние годы ее хождения до окончательного вытеснения фунтом стерлингов оценивалась в 27 бумажных шиллингов, в то время как официальный ее курс всегда составлял 21 шиллинг, то есть на 1 (один) шиллинг дороже фунта стерлингов. – *Прим. пер.*

издания сообщал читателям, что некий дворянин потратил на проведение у себя одного-единственного большого бала умопомрачительную сумму в 1500 фунтов (свыше 100 000 фунтов по нынешним деньгам). Сложилась она, скорее всего, из расходов на заказ ужина и сладостей от обожаемого высшим светом повара и кондитера мистера Гюнтера плюс проката недостающих стульев, бокалов и посуды. Все это могло потянуть на любую сумму в интервале от 400 до 1000 фунтов, а все, что сверх того, очевидно, ушло на вина и цветы для убранства, а также оркестр для танцев.

Леди Гарриет «Гаррио» Кавендиш в год свадьбы, 1809

Ясно, что мало кто из девушек располагал столь роскошными стартовыми позициями для выхода в свет, что и Сара. Но ведь там существовало еще и неписаное правило, согласно которому всем посещавшим в ходе сезона частные вечеринки приходилось отвечать сопоставимыми приглашениями подобного же рода, – а уж особенно тем, кто располагал деньгами и семейными особняками. «Вижу, что от нас этого ждут», – писала леди Спенсер мужу в июне

1807 года, добиваясь одобрения скромных танцев с ужином у них в Спенсер-хаусе, – «вот мы одним махом и закроем все счета и ответим на ожидания наших знакомых». В тот раз им удалось принять гостей уже в следующем месяце и просто-таки блистательно: завтрак в Уимблдоне на 800 персон, несколько оркестров по садам, танцы дотемна. Миссис Калверт, побывав там и на подобном приеме годом позже, отметила, что «стечение людей невероятное, и все гуляют такие нарядные», видимо, сокрушаясь, что сама она ничего подобного устроить не может по скудости средств. Так что ее Изабелле, похоже, так и суждено погрязнуть в дешевых вечеринках под скрипочку с жалкой дюжиной танцующих пар.

Для не самых богатых семей каждый лондонский сезон был возможностью, которую нельзя упускать, и Изабелла Калверт была лишь одной из множества юных дам, которым приходилось мириться с избыточными требованиями родителей, озабоченных впечатлением, которое их дочери произведут. Мужчинам она могла казаться хоть «блистательной как солнце» красавицей, но мать Изабеллы заботил «малый рост» ее старшей дочери, который она почитала за недостаток, а потому только и требовала от нее распрямиться и приосаниться. Представлением Изабеллы при дворе в 1810 году мать осталась недовольна, заявив, что ее ожидания были обмануты и написав в дневнике: «Манеры у нее были хороши и слажены, а вот статности не доставало».

Но не только родители окидывали придирчивыми взглядами выпускаемых ими в свет дочерей. Той же миссис Калверт было прекрасно известно, что юные девушки сразу же оказываются внезапно для себя выставленными на всеобщее обозрение, куда бы они ни отправлялись: и красоту-то их оценивают, и за поведением наблюдают, и разговоры подслушивают, и партнеров по танцам обсуждают. По периметру всякого бального зала непременно толпились не только молодые люди, без стеснения глазевшие на фигуры танцующих девушек, но и множество светских матрон и тертых экс-дебютанток, многие из которых просто-таки обожали сплетничать. Улыбки, румянец, отведенные глаза или, напротив, переглядывание, – все что угодно могло вызвать подозрение на влюбленность или завязывающийся роман. Также и в опере ослепительное освещение зрительного зала превращало ярусы лож во вторую сцену. Число посетителей мужского пола, наведавшихся в ложу дебютантки, их личности и ее реакция на их появление – все это не ускользало от взглядов светской публики и занимало ее ничуть не меньше спектакля. Посещения, – или, вернее, их отсутствие, – быстро преображались в слухи порою самые нелепые. К примеру, Марианна Спенсер-Стэнхоуп признавалась в 1808 году, что вовсе не может взять в толк, с какой стати все заговорили о помолвке виконта Примроуза с младшей (и некрасивой) мисс Бувери. «Он ни разу ни малейшего намека не подал и в Опере к ней близко не подходил даже в давилке», – докладывала она брату. Она подозревала, что на самом деле виконт получил отказ от старшей сестры, и добавляла, что он теперь отбыл в Бат, «вероятно, во избежание пересудов и сплетен в Лондоне до публичного объявления об этом».

В той или иной мере сплетни и домыслы были неизбежным следствием ухаживаний на столь публичной арене как Мейфэр с его бальными залами и театрами, чем-то похожими на аквариумы с золотыми рыбками. Помимо дам, перебравшихся в город на время сезона и в письмах разносивших родным и близким по всей стране вести и слухи о флиртах и помолвках, ровно тем же самым занимались и газеты, публиковавшие свежие слухи на потребу читателям. «Леди Гарриет Кавендиш, говорят, ответила согласием на предложение почтенного г-на Баррела, который так долго вздыхал по ее нежной ручке и милой улыбке», – сообщалось в *Morning Post* в марте 1804 года, и это был далеко не первый и не последний раз, когда бедную кузину Сары сватали за кого ни попадя безо всяких на то оснований.

Опасаться завидным невестам наподобие Гарриет приходилось не только сплетен среди гостей многолюдных собраний сезона: рои слуги, выходящих вокруг величественных особняков Вест-Энда, вносили своим жужжанием не меньший вклад в распространение слухов о намекающихся браках. В 1807 году Гарриет (Гаррио) невероятно долго смеялась после того, как

ее горничная Уокер сообщила, да еще и с неким негодованием в адрес своей госпожи, что не только в доме Девонширов, но вообще в каждом доме, где ей доводится бывать, ее товарки-служанки только и говорят о том, что ее госпожа собирается замуж за мужчину, который «вьется за нею хвостом, куда бы она ни пошла», – за собственного «кузина Уилли», то есть, Уильяма Понсонби. Конечно, у того развилась к ней некая мальчишеская *tendre*⁵, и все замечали его внезапные заходы в ее комнату наверху или привычку уходить из гостей от бабушки с нею за компанию. Пока Гаррио силилась понять, как бы ей это мальчишество обуздать «без притворства и ханжества», многочисленная прислуга происходящее заметила, растрезвонила и, как выяснилось, осудила «постыдную связь». «Видано ли, чтобы ничем не связанную с молодым человеком девушку молва навеки повязала с ним, а гордую унизила? – жаловалась она сестре после того, как терпеливо выслушала упреки от Уокер. – В высшем свете я теперь, выходит, обещана Фредерику Бингу, а в низшем – Уилли!».

Всевидящие очи светской публики и длинные языки горожан не только сильно осложняли всем участникам навигацию по брачному рынку, но и препятствовали многообещающим во всем остальном ухаживаниям. После того, как в мае 1818 года юные дамы занялись измышлениями относительно якобы достигнутого понимания между леди Элизабет Левесон-Гоуэр и лордом Белгрейвом, будущим графом Гровенором, он «сделался сам не свой и танцевал со всеми подряд красавицами, кто только был в зале, кроме Нее», – писала леди Уильямс Уинн невестке о своих наблюдениях у Альмака, подливая масла в огонь слухов. Пара в итоге заключила-таки брак, но лишь через год с лишним после всех этих пересудов. «Очень утомляет, что молодой человек не может лишний раз пригласить на танец приглянувшуюся девушку из опасения, что люди сочтут это за сватовство», – сокрушалась миссис Калверт после того, как ее дочь Фанни лишилась одного из постоянных кавалеров, видимо, испугавшегося пошедших слухов о предстоящей женитьбе.

Если привлекательный знакомый с перепугу начинал девушки сторониться, неписанные правила благопристойности вынуждали ее смиренно это принимать. Неприличным для юной леди считалось и проявление знаков внимания к симпатичному незнакомцу. Даже завязывать беседу ей было строго воспрещено; сначала нужно было дожидаться, чтобы их друг другу представили. И в опере благородной девице праздно прогуливаться по залу в отличие от ее брата возбранялось; нужно было смирно сидеть в ложе в ожидании гостя. Не могла она и сама пригласить кавалера на танец; оставалось лишь ждать, не сделает ли он этого сам; а вот отказываться от чьего бы то ни было приглашения на танец было чревато риском просидеть без движения до конца бала, и приходилось протягивать руку любому пригласившему кавалеру вне зависимости от ее личного мнения о его человеческих и танцевальных качествах. Она могла лишь неявным образом приободрять потенциального ухажера, хотя и тут слишком откровенный флирт или фамильярность с мужчиной были чреваты тем, что острые на язык светские дамы или, хуже того, патронессы клубов Альмака навесят на нее ярлык «шустрой» или «пронырливой».

Эстер, единственная наследница Ричарда Аклома, богатого землевладельца из Ноттингемшира, своими вольными манерами и склонностью к флирту заработала себе репутацию решительной кокетки. «Ни единого мужчины не пропустит, и ручку всем подает, и интимничает», – осуждающе отзывалась об Эстер Аклом миссис Калверт после утомительного вечера в роли ее старшей сопровождающей на одном балу в 1809 году. Всевозможные книги о хорошем тоне, поведении и этикете наставляли молодых женщин эпохи Регентства, что любые проявления дружелюбия и знаков внимания к мужчинам аморальны. «Легкое прикосновение, рукопожатие» было одним из немногих допустимых способов выражения женщиной своего особого почтения, как следует из книги по этикету «Зеркало граций», изданной в 1811 году,

⁵ Нежность (фр.).

вот только одаривать им «всех подряд» считалось «бестактной экстравагантностью». Зато этот учебник рекомендовал читательницам без стеснения использовать рукопожатие «с показным неудовольствием и безгливостью» для отваживания неугодных и прилипчивых ухажеров.

На брачном рынке, однако, откровенно флиртующая и острая на язык мисс Аклом все равно ходила в фаворитках. Любая дама, сочетавшая благородство кровей с заманчивым приданым, пользовалась послаблениями и могла позволить себе такие вольности, как Эстер, которой вообще многое прощалось с видимой легкостью. На самом деле, перспектива получения внушительного наследства или богатое приданое были заведомо и по вполне понятным причинам главным достоянием девушки, ищущей любви. За это, вне всяких сомнений, сходили с рук не только дурные манеры и бестактное поведение, но и отсутствие красоты или шарма. Надо полагать, именно это имела в виду миссис Спенсер-Стэнхоуп, когда отозвалась о некоей мисс Шакбург: «Округ [избирательный] и двенадцать тысяч в год – вот о чем, должно быть, думает каждый сподобившийся помыслить о ней».

Юные и заведомо богатые особы обычно оказывались на осадном положении с первого же их лондонского бала, если не раньше. Ну а уж если помимо несметных сокровищ они обладали еще и на зависть милым личиком цвета сливок в обрамлении черных кудрей и ладной фигурой, как леди Сара Фейн, то фурор производили полнейший. Ее дебют при дворе «привлек туда всех юных красавцев и молодых аристократов семьи и моды», – извещала читателей *Morning Post* в феврале 1803 года. В отчете поименно перечислялись виконт, граф и два маркиза, а затем сообщалось о главном: «Ее светлость – наследница 45 000 фунтов в год и, как следствие, воистину *дорогое дитя*».

Леди Сара Фейн (впоследствии леди Джерси), светская львица эпохи Регентства, патронесса клубов Альмака

Отец леди Сары, десятый граф Уэстморленд, прославился в 1782 году тайным венчанием с ее матерью Сарой Чайлд, дочерью и наследницей банковского магната Роберта Чайлда. Тот, возмущившись этой выходкой новобрачных, поклялся, что ни один будущий граф не получит ни пенса из его огромного состояния и оставил завещание в пользу Сары, своей старшей

внучки, а не ее старшего брата лорда Бургхерша. Ну а поскольку Сара отличалась небывалой по тем временам болтливостью, всем вскоре стало известно, что по достижении совершеннолетия ей будут причитаться по наследству годовой доход почти 60 000 фунтов и поместье Остерли-парк в Мидлсексе.

Ухаживания и комплименты обрушивались на любую до неприличия богатую женщину, и кавалеры преследовали Сару не только при дворе, но и буквально повсюду вплоть до закрытых загородных вечеринок; они призраками обступали ее ложу в опере и чуть ли не на дуэли друг друга вызывали, сражаясь за право пригласить ее на тур танца в бальном зале. Размер состояния также превращал ее в одну из любимых тем светских бесед наряду с гаданиями относительно того, кто из вьющихся вокруг Сары красавчиков влюблен в нее саму, а кто без ума от ее банковских счетов. Вскоре появились два по-настоящему серьезных претендента на ее руку и сердце с приданым. Лорд Джордж Вильерс, сын и наследник титула и состояния графа Джерси, слыл писаным красавцем и великолепным наездником и по всеобщему мнению был «по-настоящему и воистину влюблен» в Сару. Главным же его соперником являлся молодой дипломат лорд Гренвиль Левесон-Гоуэр⁶, подобный Адонису младший сын маркиза Стаффорда. Предположения о том, кто из двух воздыхателей возьмет верх, и язвительная критика манеры обращения наследницы по отношению к ним заполнили страницы писем хозяек светских раутов и завистливых соперниц. «В жизни еще не видела такого кокетства, какое в среду ночью явила леди С. Ф. лорду Г.», – неодобрительно писала, к примеру, та же Гаррио. Но победу в итоге одержал все-таки лорд Вильерс, к которому, как позже выяснилось, Сара давно была неравнодушна.

---

⁶ В 1804–1805 и 1807–1812 годах Гренвиль Левесон-Гоуэр (*англ.* Granville Leveson-Gower, 1773–1846) служил послом в России и принимал деятельное участие в создании коалиции против Наполеона. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.